

Юдзуру потребовался почти час, чтобы прийти в себя после неудачной попытки съесть полную тарелку острого блюда мапо тофу. В первые минуты он всерьёз рассматривал возможность ампутации как способ решить проблему с горящим языком и ртом. Вопрос о том, будет ли эта форма ампутации включать отрезание собственного языка или более простое и аккуратное обезглавливание, оставался открытым.

Канадэ также потребовалось время, чтобы оправиться от нарастающей боли в рёбрах. Она нечасто смеялась так сильно, но реакция Юдзуру была действительно комичной. Даже официант, каким бы профессиональным он ни был, изо всех сил старался сдержать весёлую ухмылку, наблюдая за реакцией Юдзуру.

После этого Юдзуру, должно быть, выпил почти столько же воды, сколько имел крови. Канадэ пыталась указать ему, что вода только усугубит ситуацию, унося пряные масла дальше по пищеводу и заменяя потенциальное обезглавливание настоящим потрошением. Молоко, как она уже неоднократно указывала, сделало бы гораздо легче. Но Юдзуру не хотел, чтобы ему сказали это, и несколько раз чуть не утопился, отчаянно ища убежища на дне большой бутылки с водой.

Казалось, что до спасения всё ещё далеко.

— Ты уже чувствуешь свой язык? — спросила Канадэ со сдержанным смешком, когда они медленно шли по пешеходной зоне. Юдзуру всё ещё время от времени потягивал полупустую бутылку с водой.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы просто размять напряжённую мышцу во рту и убедиться, что она не подгорела до хрустящей корочки под натиском специй. — Вроде того, — с сожалением признал он, — я не ожидал, что это будет настолько нестерпимо.

Канадэ приложила руку к губам, чтобы скрыть невольную ухмылку, которая пробивалась наружу: — Это блюдо и правда не для слабонервных. — поддразнила она.

— Я бы не стал предлагать это даже заклятому врагу, не говоря уже о ком-то, кто мне нравится! — подчеркнул Юдзуру, откручивая крышку со своей бутылки и делая ещё один хороший глоток воды: — У тебя, должно быть, рот покрыт свинцом, чтобы не чувствовать всей остроты.

— Это никогда так на меня не действовало, — искренне призналась она, не уверенная, должна ли она испытывать гордость или смущение от этого факта. — Я просто думаю, что в этом есть хороший толчок.

— Было бы меньше огня, если бы я проглотил горящий напалм. Никогда больше не позволяй мне делать это, — вздохнул Юдзуру.

Канадэ наконец позволила себе произвольный смешок сорваться с её губ, и даже Юдзуру

пришлось признать, что он увидел забавную сторону, несмотря на свою боль и страдания. Беззаботный смех Канадэ был подобен мягкой желаемой мелодии для его ушей и сердца, и на мгновение он понял, что практически любая боль была бы терпимой пыткой, если бы это означало, что он снова услышит этот звук.

— В любом случае, — мягко нарушил тишину Юдзуру, воцарившуюся между ними, когда смех Канадэ затих, — теперь, когда я могу снова немного говорить, давай продолжим с того места, на котором мы остановились перед этим ядерным ужином.

Она вопросительно посмотрела на него, пытаясь вспомнить. — О чём мы говорили?

— О незадаанных вопросах, — сказал он просто.

Канадэ медленно кивнула, поскольку её память восстановилась. У неё действительно были к нему вопросы, которыми она задавалась уже довольно давно. Честно говоря, она и представить себе не могла, что найдётся кто-то, способный на самом деле ответить на них. Но сейчас, когда пара шла, появился определённый шанс — каким бы маленьким он ни был на самом деле, — что он сможет дать ей ответы, которые она искала. Или, если это не удастся, возможно, они смогли бы вместе сделать какие-то выводы.

Казалось, он почти вырвал саму эту мысль из её головы, когда прочитал выражение её лица, когда мягко попросил: — Просто спроси. Я сделаю всё возможное, чтобы ответить.

— Ну, это просто... — В её голосе слышалась лёгкая неуверенность, но, похоже, это было связано не с застенчивостью с её стороны. Это было больше связано с формулировкой самого вопроса. Поэтому Юдзуру решил промолчать и дать ей возможность всё обдумать. Он не хотел оказывать на неё чрезмерное давление. Когда твёрдая решимость вернулась в её глаза вместе с блеском других эмоций, он понял, что она поняла, о чём хотела спросить: — Для тебя это больше похоже на воспоминание, чем на сон?

Юдзуру задумчиво потёр подбородок: — Ты имеешь в виду...

— Как это ярко, — закончила за него Канадэ, чтобы ему не пришлось гадать.

Юдзуру не мог не кивнуть. Эта мысль приходила ему в голову много раз в прошлом, и соображение, которое часто доводило его до отчаяния. Вернувшись к её темпу рядом с ней, он почесал затылок и задумчиво пробормотал: — Как ты думаешь, что это значит?

— Я точно не знаю, — призналась Канадэ, слегка вздохнув и опустив взгляд к своим ногам. — Может быть, это больше, чем сон. Может быть, мы действительно что-то вспоминаем?

— Например, что?

— Пропшая жизнь? — это было всё, что она могла предложить.

Хмурый взгляд Юдзуру, явно скептически настроенный к «прошлой жизни», говорил о многом.

— Это что, более нелепо, чем сон? — в её тоне прозвучала лёгкая защита. Юдзуру не хотел её обидеть — это было самое последнее, что он когда-либо хотел сделать — поэтому он согласился и перешёл к делу сам.

— Не знаю. Я никогда не думал об этом, — ответил он. На самом деле он не верил в загробную жизнь и реинкарнацию, но кто он такой, чтобы отрицать существование других теорий? Должно быть объяснение тому, что они видели один и тот же сон. Их сновидение было одинаковым, поэтому оно должно иметь какое-то особое происхождение, связанное с необъяснимыми сверхъестественными аспектами сна.

Очевидно, что они знали друг друга. Более того, они были влюблены. Это было сильное чувство, и Юдзуру честно признался себе, что большая его часть всё ещё оставалась с ним, когда он увидел Канадэ. Было очень трудно не задаться вопросом: «Что бы это ни было, интересно, что это значит?».

«Я точно не знаю. Но не без доказательств»

Они молча шли по улице. У них не было конкретного пункта назначения, и прогулка могла быть хорошим способом очистить разум. И им действительно было о чём подумать — больше, чем Юдзуру подозревал. Казалось, что всякий раз, когда он исследовал тему сновидений, он получал больше вопросов, чем ответов.

Молчание привело к временному перерыву в обсуждении темы. Возможно, ответ на вопрос, почему они разделили мечту, всегда будет недостижим. И вопросы, которые ему действительно нужно было обсудить с Канадэ, должны были касаться не только сновидения. Они должны были обсудить, что это значило для них здесь и сейчас, для связи, которую они оба чувствовали друг с другом, и для будущего.

Несмотря на это, Юдзуру чувствовал, что знает Канадэ гораздо дольше, чем неделю, которая теперь осталась позади. Глядя на неё сверху вниз, когда она блуждала по своему собственному маленькому миру мыслей, он видел в ней что-то ужасно знакомое — не только в том, как она выглядела (он без сомнения знал, что она была девушкой из его снов), но и в эмоциях, которые пробуждались просто от её присутствия. Было растущее ощущение счастья, скрытое удовлетворение, поднимавшееся из глубины души.

Канадэ... Часть его — одинокая часть, которая всегда оплакивала конец мучительного сна — всё ещё тянулась к ней. Та часть его души, которая мгновенно распознала её такой, какая она есть, когда её тихое напевное исполнение «Моей песни» украсило его слух. Часть его существа, которая всегда отвергала попытки применить логику и рационализировать яркий сон, который они оба делили.

Почувствовав на себе взгляд Юдзуру, Канадэ посмотрела на него из-под шляпы. Её улыбка, хоть и слабая, наполнила его душу теплом, которое безудержно распространилось по каждой клетке его существа. Эта улыбка была идеально обрамлена мягко колышущимися прядями её распущенных серебристо-белых волос, их ритм соответствовал темпу их ходьбы.

Чувства внутри Юдзуру проявились в виде румянца на его щеках, и он не мог не отвести взгляд.

Только когда он почувствовал нежное тепло маленькой изящной руки, взявшей его за руку, он осмелился оглянуться. Румянец не сошёл с его щёк, хотя он заметил, что Канадэ больше не смотрит на него, её лицо снова скрыто козырьком шляпы. Но было что-то в том, как она держалась, что подсказало ему, что, несмотря на смелость жеста, который она только что сделала между ними, она тоже стеснялась.

— Надеюсь, ты не возражаешь, — сказала она мягким, но непреклонным голосом. Она не задала это как вопрос — отказ не был чем-то таким, что она всерьёз рассматривала с его стороны, — но хорошие манеры были в её стиле.

Юдзуру успокоил её, осторожно переплёл свои пальцы с её собственными, выразив своё одобрение самым нежным тактильным способом.

Он ни в малейшей степени не возражал.

Существует негласное правило, согласно которому джентльмен должен провожать леди домой. Некоторые люди могут даже посчитать это универсальной истиной. Конечно, найдутся те, кто считает этот жест устаревшим или даже посягающим на равные права.

Но пусть они говорят, что хотят.

По мере того как день клонился к вечеру, тёмно-оранжевое небо постепенно окрашивалось в глубокий и яркий красный цвет, а сумерки сгущались. Юдзуру и Канадэ, держась за руки, неторопливо шли по извилистой тропинке, возвращаясь в разрастающийся пригород.

Юдзуру было всё равно на неправильное понимание или опасения других людей. Провожать Канадэ домой было не просто его обязанностью — он фактически украл у неё этот день, хотя она и надеялась встретиться с ним. Для него это было привилегией, и он собирался наслаждаться каждым мгновением.

В этом простом жесте было столько радости, столько невысказанного. Было трудно найти в нём хоть какой-то недостаток.

И, казалось, это полностью успокоило их обоих. Пока они шли и разговаривали, уверенность Юдзуру росла, а обычная сдержанная застенчивость Канадэ, казалось, полностью исчезла. Она позволила себе быть собой, пока он держал её за руку.

— Ты когда-нибудь видела во сне кого-нибудь ещё, кроме меня? — спросил Юдзуру, опираясь на свою память о событиях, на тонкие вариации и различия, с которыми он сталкивался за годы своих преследований. Казалось, мечта всегда будет их любимым эвфемизмом, хотя они оба начинали воспринимать это как нечто гораздо более значимое, гораздо более реальное.

Канадэ, казалось, задумалась, а затем сделала один или два глубоких вдоха: — Я помню несколько лиц, ощущение людей и эмоций. — Призналась она: — Но нет ничего более яркого, чем наши совместные моменты.

Юдзуру понимающе кивнул: — Я так и думал. На ум приходит несколько имён, и только одно лицо, кроме твоего собственного. — Он вспомнил мимолетное воспоминание: — Та песня подстегнула это - когда я услышал, как ты её напеваешь, и даже тогда, я думаю, это было только потому, что ты была там.

Он почувствовал, как её пальцы крепче обхватили его собственные. Он встретил её взгляд, полный тёплой привязанности: — Опиши мне этого человека. — Она попросила его. Канадэ не могла не задаться вопросом, есть ли шанс, что это поможет ей вспомнить немного больше.

Он кивнул в ответ, позволяя этой мысли закрепиться в своём сознании: — Посмотрим.

Юдзуру поднял взгляд к темнеющему багровому сиянию почти безоблачного неба над ними: — Я помню рыжие волосы, примерно до плеч. Чёрная лента для волос сдерживает их, и...

— ...И глаза цвета изумрудов? — Канада закончила его мысль, и странно знакомое лицо обрело форму и в её собственной памяти. Из самых глубоких тайников всплыло имя, которое присоединилось к нему, вызывая на этот раз гораздо более яркое воображение: — Юри.

Глаза Юдзуру расширились от удивления: — Ты помнишь её имя?

Канадэ задумчиво кивнула: — Это всё, что я о ней помню. — Она сделала паузу, а затем добавила, подумав: — Сомневаюсь, что это сильно помогает.

— Нет-нет. — Юдзуру ободряюще улыбнулся ей сверху вниз, медь его взгляда излучала тепло: — Это очень помогает. Я помню имя. Я помню лицо. До сих пор я действительно не улавливал связи между этими двумя.

— О... — Когда его улыбка стала такой заразительной, Юдзуру не мог не восхититься тем, как загорелись ее глаза. — Ты помнишь что-нибудь ещё?

Юдзуру на мгновение задумался, пытаясь вспомнить что-то ещё, что могло бы оказаться уместным. Он был настолько погружён в свои размышления, что Канадэ совершенно выбила его из равновесия, когда повела по небольшой боковой улочке. У неё вырвался едва заметный смешок, пока она ждала, когда его ноги придут в новое направление, которое приняло его

тело. Его ответом была довольно застенчивая усмешка, вызванная лёгким смущением, которое неизбежно сопровождает ошибку, совершённую в глубоких раздумьях.

— Думаю, мне стоит смотреть, куда я иду... — озвучил он свои мысли: — В любом случае, я мало что могу вспомнить, кроме того, что ты уже упомянула. Хотя это заставляет задуматься.

Это задело интерес Канадэ: — Интересно, что?

— Если где-то есть кто-то по имени Юри, — уточнил Юдзуру, — если она сама что-то из этого помнит. Я имею в виду, я всегда думал, что ты была просто сном, пока мы не встретились. Ты, должно быть, думала то же самое обо мне.

— Нет, — Канадэ необъяснимо остановилась посреди тротуара, её рука, в свою очередь, потянула Юдзуру за собой, остановив его всего в полшаге от неё. Они вдвоём стояли перед садовой калиткой высотой по пояс. Канадэ повернулась к нему лицом, её серьёзный, но нежный взгляд притягивал и завораживал его собственный. Он был ошеломлён ещё больше, когда она протянула свободную руку и нежно коснулась его щеки, кончики её пальцев были тонкими и грациозными, когда они пробежались по его коже, передавая столько нежной привязанности, что у неё защемило сердце: — Я всегда знала, что ты настоящий.

Юдзуру не знал слов, которые могли бы преодолеть его ошеломлённое молчание. Итак, когда Канадэ снова перехватила инициативу и приподнялась на цыпочки, чтобы запечатлеть на его щеке нежнейший из целомудренных поцелуев, у него перехватило дыхание, и все средства были закрыты для его отшатнувшегося разума.

Не сказав ни слова, она вернулась на землю, понимающая улыбка согревающего душу удовлетворения осветила её черты. Был момент, когда их взгляды просто встретились, и им обоим удалось передать этим простым жестом гораздо больше, чем можно было надеяться достичь простым многословием.

Она отпустила его руку, а затем убрала кончики пальцев с его подбородка. В этот момент Юдзуру испытал мучительное чувство потери.

— Спокойной ночи, Юдзуру, — сказала она.

Он смотрел, как она открывает калитку, входит в сад и направляется к дому. Юдзуру даже не заметил, как они дошли до места назначения. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать, что произошло.

Он также понял, что не пожелал ей спокойной ночи. Но потом он задумался, нужно ли это было вообще?

Его мысли вернулись к недавним воспоминаниям. Он поднял руку и осторожно провёл

пальцами по щеке, которую поцеловала Канада. Как будто он пытался убедиться, что всё это не было плодом его воображения. Было ли это просто сном, от которого он ждал пробуждения, чтобы снова погрузиться в холодный пот ужаса?

Но он не проснулся. Это была реальность. Это произошло на самом деле.

Внимание Юдзуру было сосредоточено на дверном проёме в дом. Его разум всё ещё не мог найти слов, чтобы выразить всё, что он чувствовал. Но его губы нашли то, чего было достаточно.

— Вау, — произнёс он.

Канадэ наблюдала за происходящим из окна гостиной своего дома. Она была в восторге от того, что набралась смелости и сделала то, что сделала. Обычно ей не хватало решимости, но с Юдзуру всё было по-другому.

Несмотря на все препятствия, которые возникали на их пути, её сердце и душа кричали от радости. Она чувствовала, что её чувства к Юдзуру были правильными. Мальчик, который стоял на тротуаре перед её домом, был тем самым Юдзуру — её Юдзуру — из её снов. Он был центром её любви, которая, как она верила, существовала ещё до её рождения.

Наблюдая за тем, как Юдзуру уходит, Канадэ почувствовала трепет в сердце и животе. Она не позволила себе даже моргнуть, пока он не скрылся из виду. Его уход был отмечен глубоким вздохом, который она сдерживала.

Было грустно видеть, как он уходит, но радость от незабываемого дня, проведённого вместе, пересилила это чувство. С улыбкой она позволила занавеске опуститься на окно, закрывая внешний мир до утра. Повернувшись спиной к прошедшему дню, Канадэ направилась спать.

Юдзуру больше не было смысла каждый день ездить на станцию, ведь последний экзамен наконец-то закончился, а конец семестра был уже близок. Хотя у него была одна очень ценная причина продолжать эти поездки.

Звали эту причину Канадэ.

В течение следующих двух недель Юдзуру каждое утро добирался на работу до конечной остановки общественного транспорта. И Канадэ всегда был там, на месте их первой встречи. Юдзуру казалось, что он знает Канадэ всю жизнь.

Погода была приятной, и пара проводила время вместе, гуляя по городу. Они могли просто

идти, останавливаясь только перекусить и отдохнуть. Беседа между ними текла легко и непринуждённо, и это только укрепляло лежащее в основе чувство близости.

Для Юдзуру возможность держать Канадэ за руку была одним из многих благословений, которые он получил от того, что проводил с ней свои дни. Нежный поцелуй в щёку, который подводил черту под каждым днём и отмечал их расставание, был тем, что он считал чудесным подарком.

Однако ему не хватало смелости поцеловать её в ответ. Это было слишком похоже на то, чтобы испытывать судьбу. Странно, что именно он был слишком застенчив, чтобы сделать этот жест.

Тем не менее, ему более чем достаточно было рано вставать, выходить из дома и встречаться с Канадэ за завтраком в начале очередного совместного дня.

И вот в третье воскресенье их ежедневных прогулок Хацунэ наконец поймала его на этом.

Юдзуру редко вставал раньше неё, и эта перемена в его привычках не осталась незамеченной. Каждый день он выходил из дома к восьми часам и возвращался сразу после захода солнца.

Хацунэ начала беспокоиться из-за этой резкой перемены в поведении своего брата. Она начала думать о худшем.

Что он скрывал? Замышлял ли он что-то незаконное или опасное? Или он не рассказывал ей о своих планах просто потому, что не хотел её расстраивать?

Но потом она заметила, что он был так чертовски счастлив. Что-то в нём изменилось. Он уже почти месяц не жаловался на бессонницу из-за этого сна. И она поймала себя на мысли, что задаётся вопросом, нашёл ли он наконец выход из этой ситуации.

И чем больше Хацунэ думала об этом, тем больше она приходила к необычному выводу.

Итак, утром третьего воскресенья Хацунэ встала пораньше и перехватила своего брата, прежде чем он успел выйти из дома.

Юдзуру совершенно не замечал её присутствия, когда потянулся, чтобы открыть дверь. Настолько, что, когда Хацунэ начала говорить, он заметно вздрогнул.

— Так когда ты собираешься привести её домой, чтобы познакомить со мной?

Он медленно повернулся лицом к Хацунэ, отметив, как небрежно она прислонилась к дверному косяку, скрестив руки на груди и слегка ухмыляясь. Она выглядела очень, очень довольной собой.

— Кем? — он изобразил неведение.

Хацунэ на это не купилась, ни в малейшей степени. В его глазах было что-то такое, что просто кричало о том, что он намеренно тупит. — Эта девушка, с которой ты встречаешься каждый день, — она надавила, давая ему понять, как много она выяснила.

Румянец, заливший щёки Юдзуру, сказал ей, что этим она попала в самую точку. Смесь самодовольства и облегчения от того, что ничего плохого не происходило, были первыми эмоциями, которые поднялись внутри. Мгновение спустя это переросло в усиленное самодовольство, которое просто не могло не отразиться на её лице.

Юдзуру не смог скрыть румянец, но всё равно продолжал притворяться: — Почему ты думаешь, что это девушка?

Хацунэ стоило большого труда сдерживать смех: — Ты бы никогда не встал рано только для того, чтобы увидеть Игараши. И я сомневаюсь, что ты бы так сильно покраснел... — добавила она, подумав запоздало.

Внимательно наблюдая за реакцией своего брата, она снова почувствовала удовлетворение, когда он, казалось, слегка сдулся, закрыл глаза и испустил вздох.

— Хорошо, хорошо... — он поднял руки в притворной капитуляции, момент раздражения от того, что его так легко обошли, усилил его и без того яркий румянец. — Я приведу её познакомиться в какой-то момент. Просто... — когда он поднял глаза, в его поведении было что-то не слишком далёкое от беспокойства, — Не переживай из-за этого, хорошо?

— Я не буду, — пообещала сестра, теперь ей не терпелось познакомиться с этой девушкой. Кто бы это ни был, кто смог вытащить своего брата из постели так рано без дополнительного бонуса в виде его обычной сварливости, определённо заслуживал её поздравлений: — Я знаю, это только усугубит моё состояние.

— Хорошо, — Юдзуру кивнул и повернулся к двери: — Я снова вернусь поздно, — он помахал на прощание, не оборачиваясь.

Хацунэ с улыбкой наблюдала, как за ним закрывается дверь. Было приятно видеть Юдзуру счастливым.

Юдзуру вздохнул и направился к станции. Он знал, что повёл себя не очень разумно, когда уезжал рано утром, и не удивился, что его младшая сестра обратила на это внимание. Но его беспокоило или, скорее, забавляло то, что она догадалась, что он навещает какую-то девушку. Неужели его так легко прочесть?

«Действительно ли моё поведение так сильно изменилось?» — он не мог не задаваться этим вопросом, шагая по тропинке. Юдзуру знал, что чувствует себя намного счастливее с Канадэ в своей жизни, и разговоры и откровения, которыми они делились вместе, были дороги его сердцу. Она действительно была девушкой из его снов, так же как он был парнем из её снов, и эта возобновившаяся связь была тем, чем они оба воспользовались в полной мере.

«Терпи и оставь прошлое позади».

За те недели, которые теперь тянулись позади, златоглазая девушка стала много значить для него, точно так же, как она всегда много значила для него в его снах до этого. Юдзуру не был тем, кто верил в судьбу или чудеса, но было непреодолимое искушение описать свою встречу с Канадэ именно так: чудо судьбы.

Одной этой мысли было достаточно, чтобы вызвать тёплую улыбку в глубине его сердца.

Завернув за угол на знакомый участок улицы, который вёл к вокзалу, он почувствовал, как у него воспряло сердце и значительно поднялось настроение.

Но всё рухнуло, когда он добрался до их обычного места встречи и обнаружил, что оно пусто. Ощущения отразились на его лице в виде хмурого выражения. Опаздывать было совершенно не похоже на неё — хотя он пытался раз или два, ему ни разу не удалось прийти первым за предыдущие недели.

Возможно, что-то просто задержало её?

Повернувшись спиной к стене и небрежно прислонившись к ней, Юдзуру решил, что лучше всего подождать. Он не мог удержаться, чтобы не посмотреть на голубое небо и закрыть глаза, наслаждаясь солнечным теплом. Когда интенсивность, казалось, спала, он снова открыл их. И маленькому серебристому облачку каким-то образом удалось заслонить солнце, оставив Юдзуру и окрестности в тени и прохладе.

Это скоро пройдёт.

Но он не мог игнорировать отчётливую дрожь, пробежавшую у него по спине.

<http://tl.rulate.ru/book/117653/4683152>